

ББК 86.37
Х70

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
PRINCESS EVER AFTER
by Rachel Hauck.

Published by arrangement with The Zondervan Corporation,
a subsidiary of HarperCollins Christian Publishing, Inc.
Translated by permission.

Russian edition 2017 © Mission Visson
All rights reserved.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
в какой-либо форме без письменного разрешения издателя.

Хок, Рейчел

Х70 Принцесса навсегда / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2017. —
448 с. — (Королевские свадьбы).

«Принцесса навсегда», второй роман из серии «Королевские свадьбы», — это любовная история простой американской девушки, которая в детстве, как все девочки, любила играть в принцессу, а когда выросла, оказалось, что она — самая настоящая принцесса и ей следует взойти на трон в одном европейском государстве. Но встретит ли она своего принца, как подобает настоящей принцессе? Читайте волнующую историю, которая обязательно закончится самой красивой на свете свадьбой.

ББК 86.37

*Светлой памяти
моей тети Бетти-Джейн Бернсайд-Хейз
9 июня 1925 – 16 октября 2012
До встречи!*

«Какое блаженство! Похоже, это настоящая любовь!» Она сидела за рулем «Dodge Challenger» 71-го года выпуска, усовершенствованного с помощью легендарного шестицилиндрового двигателя «Slant-6».

Лихо вписавшись в поворот проселочной дороги при подъезде к Таллахасси*, Реджи включила четвертую передачу и разогналась до предела. Упоение быстрой ездой, словно электрический заряд, пронзило ее тело.

Мотор энергично рычал, и колеса бежали по дороге, вздымая пыль, будто пытаясь похоронить вчерашний день. Реджи неслась навстречу догорающим золотисто-розовым сумеркам, проступающим сквозь силуэты высоких сосен, и остатки сомнений развеивал прохладный сентябрьский ветерок.

Да, это ее призвание — реставрировать ржавые и никому не нужные автомобили, возвращать им тот класс и шарм, с которым они появились на свет. Ей потребовалось двадцать девять лет, чтобы это понять.

«Ха-ха-ха! Ну, давай, малышка! Покажи, на что ты способна!»

* Таллахасси — столица штата Флорида, США. — Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.

Ребята — Эл, Рэйф и Уолли — стояли у финишной черты и, размахивая шляпами, приветствовали ее возвращение.

«Поразительно! Просто поразительно! Давно надо было бежать с крейсера корпоративного аудита на надувной плот несбыточных мечтаний».

Последние полгода, с тех пор как Реджи сменила деловой костюм на рабочий комбинезон и стала на пару с Элом, которого считала вторым отцом, ремонтировать автомобили, она редко хорошо спала ночью.

Реставрация «Challenger» стала ее первым крупным проектом. И первым испытанием.

Реджи глянула на спидометр. Стрелка плясала рядом с цифрой «100».

«О-го-го!»

Она пересекла финишную черту и громко засигналила. Мужчины радостно закричали, заулюлюкали. Она это сделала! Они это сделали! И ни одна деталь «Challenger» не осталась на дороге.

Реджи снизила скорость и, дрифтуя*, громко сигналивая и поддавая газу, чтобы автомобиль продышался и показал себя во всей красе, направила его к центру поля.

Что и говорить: перебрать и заново установить двигатель — дело непростое. Порой она падала духом и даже подумывала о том, чтобы позвонить бывшим работодателям и попроситься обратно.

Реджи сделала круг почета, остановила машину и выпрыгнула из нее, не выключив двигатель. Рэйф подхватил ее на руки и закружил.

— Ура, получилось!

Эл, неуклюжий, как плюшевый медвежонок, обнял ее своими черными ручищами и пробасил:

* Дрифтовать (от *англ.* drift — сдвиг, занос, смещение) — проходить на автомобиле поворот с использованием заноса.

— Я так тобой горжусь, что аж тошно!

— Это я тобой горжусь, Эл! Ведь все это придумал ты!

— А ты согласилась попробовать.

Эл был морским пехотинцем, сержантом в отставке. Он подружился с отцом Реджи еще в шестидесятые, когда они учились в школе. Если бы не его мозги и железная хватка, они никогда не открыли бы мастерскую.

Когда полгода назад он поделился с Реджи своими планами, она спросила только: «Где мне поставить подпись?»

Затем он принял на работу Рэйфа. Вместе они служили до того дня, когда Эл ушел в отставку. Рэйф уволился после трех поездок в Афганистан, а затем на попутках преодолел расстояние из Северной Каролины в Таллахасси, разыскивая «сержанта Эла».

Наконец к машине подошел старина Уолли:

— Вот это машина! Настоящая красавица! А ты, Редж, гоняешь быстрее, чем Даника*!

Она обвила руками морщинистого старика, чьи редкие седые волосы выбились из-под бейсболки с именем Джеффа Гордона**.

— Уолли, а ты — лучший автомеханик на свете, клануть своим первенцем!

— Редж... — Уолли сплюнул. Эта привычка осталась у него с тех времен, когда он жевал табак. — Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Сначала познакомься с хорошим парнем, сходи на свидание, выйди замуж и роди первенца. — Уолли не спеша обошел машину. — Рэйф, слышишь, в моторе что-то стучит? Мне кажется, это восьмой цилиндр.

Уолли умел разговаривать с машинами.

* Даника Сью Патрик (р. 1982) — знаменитая американская автогонщица и фотомодель.

** Джеффри Майкл «Джефф» Гордон (р. 1971) — американский автогонщик, четырехкратный чемпион NASCAR Sprint Cup Series.

— Поедем в мастерскую, по дороге и послушаем, — ответил Рэйф, наклонившись над капотом и прислушиваясь к двигателю.

Мастерская находилась в старом кирпичном амбаре неподалеку от дороги на Блаунтстаун. Помещение всем четверым вполне подошло, потому что было просторным и с крепкой крышей. А главное, недорого стоило.

— Вот так так! — раздраженно прогремел чей-то бас. — Реджи, ты что, забыла, что мы договаривались с тобой на семь?

Реджи прищурилась на свету и увидела, что к ней приближается Марк, с которым она согласилась пойти на свидание.

— Ой... Марк... — Реджи вытащила из кармана телефон. *«Неужели уже семь часов? Нет, не семь. Половина восьмого. Точнее, семь тридцать одна»*. Она опоздала. — Прости, пожалуйста. — Она подошла к Марку и с растерянным видом оглянулась на Уолли. — Нам нужно было проверить машину. Уолли сказал, что в моторе что-то стучит. — *«А что, разве не так?»* — Утром ее должен забрать Дэнни Хейз, и мы хотели убедиться в том, что она в идеальном состоянии.

— Думаю, Уолли и Эл справились бы и без тебя. — Марк провел пальцем по пыльному капоту и театральным жестом поднес левую руку к глазам, чтобы посмотреть на часы. — А мы с тобой опаздываем. — Он уставился на ее комбинезон. — Я смотрю, ты принарядилась?

— Последний писк нью-йоркской моды, Марк! Комбинезон в масляных пятнах. Но обувь я выбрала более нарядную. — Реджи приподняла ногу. — По-моему, смотреться будет оригинально.

— Так его, Редж! — Рэйф обошел машину и, усаживаясь на водительское сиденье, в знак солидарности легонько толкнул ее локтем.

— Только не гони! Хорошо, Рэйф? Оставь машину в мастерской — ее еще надо помыть. — Она расстегнула и сняла комбинезон. Под ним обнаружились джинсы и блузка с V-образным вырезом — вполне подходящий наряд для пикника в округе Уакулла. Даже если хозяин вечеринки неприлично богат.

Она скомкала комбинезон и сунула его Рэйфу в окно, поморщившись от того, что заговорила, как встревоженная мамочка. И все же...

— Тщательно протри все внутри и снаружи, даже колеса.

— Будет сделано, босс. — Рэйф широко улыбнулся и нажал на газ, а Уолли склонился над мотором, прислушиваясь к загадочному стуку.

Подзывая к себе Реджи, Эл замахал руками.

— Редж... — сдавленно произнес он, а когда поднял глаза, они сверкнули влажным блеском. Он хлюпнул носом, задрал подбородок и набрал воздуха в грудь. — Мы неплохо поработали.

— Это точно. — На ее глаза тоже набежали слезы. — Эл, я перед тобой в неоплатном долгу. Теперь нам нужно искать новый заказ. Я тут подумала...

— Желаю хорошо провести время, Редж. — Эл схватил ее за плечи и развернул к Марку. — Я только хотел сказать, что горжусь тобой. А теперь иди. Веселись. Смейся. Празднуй свой успех.

— Наш успех, разве нет? — улыбнулась она.

— Всего одна машина... Но пока все идет неплохо.

— Эл, скажи, а если мы...

— Ступай к своему жениху, красавица.

— Он мне не жених.

— Хорошо. Но все равно иди. Веселись. Меня дома с внуками ждет Мириам. Сегодня по плану попкорн и мультфильмы. — Эл расхохотался. Было видно, что он счастлив.

— Ну, ладно. — Она похлопала себя по ногам. — Я пойду.

— Вот именно, иди, — поддержал ее Эл.

— Если вдруг что-нибудь понадобится, ты звони.

— Что мне может понадобится во вторник в половине восьмого вечера? — Эл снова развернул ее к Марку. — Развлекайтесь. Это приказ.

— Есть, сержант.

Направляясь с Марком к машине, Реджи, прижав руку к животу, вздохнула. Она это сделала. Они это сделали. Полностью отстранили автомобиль!

— Когда мы приступили к ремонту, от машины осталась только ходовая часть, — произнесла она, обращаясь скорее к себе, чем к Марку.

— Старик Маккэндлесс, наверное, удивляется, куда я запропастился. — Направив брелок на стоящий на обочине «Porsche» последней модели, Марк нажал на кнопку. — Неужели, Реджи, было так сложно успеть к семи?

— Я работала. — Она вдруг радостно закричала, замахала правой рукой и едва не погналась за «Challenger»: это Рэйф, Уолли и Эл выехали с грунтовки на трассу и направились в мастерскую.

— Эй, нам пора! — окликнул ее Марк.

Реджи подошла к его «Porsche» и уселась на сиденье рядом с водителем в полной уверенности, что нашла свою судьбу.

* * *

«Porsche» мчался напрямик к заливу. В салоне звучала мелодичная композиция Хантера Хейза. Реджи прижалась щекой к мягкой итальянской коже и уставилась на блестящий розоватый шлейф на горизонте. Жизнь прекрасна! Почти идеальна! Реджи была еще ребенком,

когда погибла ее мать, и вот впервые с тех пор девушка почувствовала, что все идет, как надо. Разве не так? Конечно, так!

Реставрация «Challenger» и бизнес на паях с Элом помогли ей прийти в себя и успокоиться. Она перестала изводить себя мечтами, которые прежде считала несбыточными.

— Вчера я играл в гольф с Эриком Бэкундом, — сказал Марк.

Ему было тридцать лет. Его считали одним из лучших застройщиков во Флориде. Он обедал с конгрессменами и занимался спортом с президентами компаний. Он стал совсем не похож на жившего в ржавом трейлере худенького и грустного беспризорника.

— Его гандикап по-прежнему равен семи? — спросила она. Бывший босс не упускал возможности напоминать подчиненным, как ловко ему удастся гонять тонкой деревянной клюшкой белый шарик.

— Он спрашивал о тебе. Интересовался, когда ты вернешься.

— Когда Таллахасси заметет снежная буря. — Реджи опустила стекло. Влажный воздух охлаждал ее разгоряченное разговором лицо.

— Реджи, может, хватит? Будь умницей: подумай о будущем. Bravo, ты отреставрировала классный автомобиль! — Он оторвал руки от руля и несколько раз шутя хлопнул в ладоши. — Доказала себе и всем, что ты — настоящий спец. Но что дальше?

— Да какой там спец! Мы отреставрировали всего один автомобиль. И к чему этот сарказм?

«Он что, будет донимать меня вопросами?»

* Гандикап (фора) в гольфе — числовой показатель игровых способностей гольфиста. Система гандикапов позволяет игрокам разного уровня соревноваться в равных условиях.

Реджи решила не обращать внимания на угрызения совести, игнорировать желание уступить и угождать. Она стала аудитором, потому что этого хотели от нее другие. Например, папа считал, что в этом качестве она сделает хорошую карьеру. Он был прав. Но прав частично. Да, она выучила урок, но теперь пришла ее очередь решать, как ей жить, и отныне она будет жить так, как ей нравится.

— Пусть сарказм, но я должен помочь тебе прозреть, — сказал Марк.

— Ну, надо же! Как только Иисус обходился без сарказма, когда делал добро? Когда исцелял людей? Слушай, Марк, — Реджи повернула к нему голову, — в аудит я не вернусь, даже если у меня не сростется с машинами. Так что лучше выбрось это из головы. Я готова повторить это кому угодно. Скорее уж я буду раскладывать товары в супермаркете. — Она откинулась на спинку кресла, глядя на то, как темноту пронзает свет фар. Покой и умиротворение словно испарились.

— Ладно, забудем про аудит, — ответил Марк. Судя по голосу, он решил перейти к плану «Б». Марк и Реджи были знакомы двадцать лет, и у него всегда был план «Б», план «В», «Г» и «Д». — Но почему машины, скажи на милость, Реджи? Старая рухлядь! Ты такая умная, такая талантливая! Ты слишком красивая, чтобы целый день ходить в комбинезоне и копать в вонючих моторах. — Он притормозил и чуть наклонил голову, чтобы за деревом разглядеть указатель. — Ты прекрасно ладишь с людьми, — продолжил он. — Они вечно делятся с тобой секретами. Помнишь ту женщину в моем офисе на рождественской вечеринке? Пока вы стояли в очереди за закусками, она тебе выложила всю свою подноготную. И до сих пор тебя вспоминает. — Он покачал головой и нажал на газ,

высматривая табличку с названием улицы. — Может, тебе заняться политикой?

— Ха! Политикой! Тогда уж лучше я вернусь в мир криминального... ой, корпоративного аудита!

— Очень смешно. «Backlund & Backlund», между прочим, респектабельная фирма.

— В любом случае лучше я буду работать на нее, чем заниматься политикой. — Она посмотрела на Марка. — Мы столько лет дружим, а ты будто совсем меня не знаешь!

— Я тебя знаю. Может быть, даже лучше, чем ты сама себя. Реджи, ты стала бы хорошим политиком. Ты больше волнуешься о людях, чем о собственном благополучии. — Марк снизил скорость у дорожного знака и резко свернул влево, съехав с дороги на мягкий песок. Он переключил скорость на более низкую и недовольно заворчал: — Маккэндлесс строит свои комплексы за миллионы долларов. Мог бы замостить дорожку к своему дому.

Но он поторопился: машина уже катила по извилистой мощеной дорожке, ведущей к высокому портику перед входом в особняк.

Сквозь лобовое стекло Реджи увидела его приметную крышу.

— Надо же, настоящий дворец посреди округа Уакулла! Теперь я видела все, — со смехом сказала она.

— Маккэндлесс — чужак, но в строительстве он разбирается.

— Дай угадаю: ты хочешь, чтобы он поддержал твой проект.

— Да, в Сент-Джордже. — Марк поставил машину на нейтральную передачу. По ступеням каменной лестницы сбежал парковщик в красном жилете. Второй прислужник помог открыть Реджи дверь. Выйдя из машины, она почувствовала аппетитный запах жареной рыбы. В животе заурчало.

— Скажите, пожалуйста, у него и слуги есть! — обратилась она к Марку, который подошел к ней, одновременно наблюдая за тем, как парковщик отгоняет его машину на стоянку. — У нас так не принято.

В округе Уакулла жили обычные мужчины и женщины, простые работяги, а не какая-нибудь челядь, бегающая взад и вперед по каменной лестнице дворца. Она чувствовала себя одной из них.

— Тебе нравится? — Марк обвил рукой ее талию. — Когда-нибудь и у меня будет так, малышка.

«Малышка?»

— Ну, а у меня нет. — Реджи сбросила его руку со своей талии и пошла вперед по освещенной дорожке. Может быть, она преувеличивает, но в последнее время ей стало казаться, что Марк решил сделать ее частью своей роскошной жизни. А она не хотела становиться ее частью. Почему он так себя ведет? Когда все изменилось? Ведь они всегда были друзьями. *Просто друзьями.*

Впрочем, они заключили «пакт о свиданиях». Если одному из них требовалась пара, чтобы пойти на свадьбу, рождественский ужин, офисную вечеринку или семейную встречу, и «отдуваться» было больше некому, другой составлял ему компанию. К тому же у Марка водилось множество подружек. Он то и дело ходил на свидания со сногшибательными красавицами.

— Как там Моника? — между делом поинтересовалась Реджи, когда с ней поравнялся Марк. После того как на обеде в конгрессе его познакомили с темнокожей красавицей, он пропал на целых четыре месяца. — Может, это твоя судьба?

— Она вернулась домой и обручилась с парнем, с которым встречалась еще в колледже.

— Уже? Так быстро?

— Я был для нее запасным аэродромом. Если честно, я сразу подумал, что у нас нет будущего. — Марк взял Реджи за локоть и слегка подтолкнул к седому пожилому мужчине, похожему на Полковника Сандерса из «КФС»*. Это и был Маккэндлесс.

Реджи никогда не влюблялась. Не то чтобы она этого не хотела, просто еще не встретила *того, единственного*. Любовь всей своей жизни.

К тому же без мужчины она не чувствовала себя несчастной. Ей даже нравилось одной ходить на свадьбы и вечеринки и одной же встречаться с друзьями и родственниками. Если ей нужен был спутник, она приглашала свою лучшую подругу Керри Митчелл, а не Марка, потому что Керри всегда радовалась поводу купить новую пару туфель.

— Пока не началась вечеринка... — Марк взял ее за руку и потянул куда-то в сторону. Реджи стало не по себе. Она даже вздрогнула. «*Не надо, Марк...*» — ...Мы с тобой...

Вдруг в кармане джинсов зазвонил телефон. «*Слава Богу!*» Она выдернула руку из руки Марка и полезла за телефоном. Этот звонок ее спас. Никогда в жизни она не слушала гимн Университета Флориды с таким удовольствием.

— Звонит Эл, — сказала она Марку, показывая ему экран телефона. — Эй, Эл, у тебя все в порядке? — тихо рассмеялась Реджи, радуясь тому, что Марк от нее отстал и что его горячая рука больше не сжимает ее пальцы. — Только не говори, что вы разбили «Challenger».

— Редж, я тебя умоляю... с машиной все хорошо. Рэйф ее отполировал, и теперь она просто сияет. Я звоню сказать, что, похоже, у нас наклеивается второй заказ.

* Гарланд Дейвид Сандерс, более известный как Полковник Сандерс, — основатель сети ресторанов быстрого питания «КФС» («Kentucky Fried Chicken» («Жареный цыпленок из Кентукки»)). Его стилизованный портрет присутствует во всех ресторанах сети и на ее фирменных упаковках.

— Что? И кто это? — Сердце заколотилось как бешеное. — Вот здорово! А какая машина? «Starfire #89»? — Она расхохоталась. — Если ты согласился, я на седьмом небе от радости.

— «Starfire #89»? Ты в своем уме? — урезонил ее Эл. — Как, по-твоему, в нашей глухомани окажется самая редкая в мире машина? Тем более в нашей мастерской?

— Ну, помечтать-то можно! — А почему нет? Если бы не мечты и упорство, она никогда не вырвалась бы из «Backlund & Backlund».

Мечта помогла ей отреставрировать свой первый автомобиль. Эл придумал открыть мастерскую, зато Реджи уговорила Дэнни Хейза рискнуть и дать им шанс — попробовать отреставрировать его «Challenger».

Так что ничего плохого в мечтах нет. Когда-нибудь она отреставрирует и «Starfire #89». Ну, ладно, может, и нет, но уж за рулем-то посидит обязательно. Когда-нибудь...

— Бывают мечты, а бывают глупые мечты, Реджи. Если я когда-нибудь наткнусь на эту машину, я лично сообщу тебе об этом и ты сразу поймешь, что случилось, потому что мое прекрасное черное лицо станет белым, как у привидения.

Она рассмеялась:

— Хотела бы я на это глянуть! Так *какой* нам доверили автомобиль?

Эл прав. Если она хочет заниматься реставрацией автомобилей, лучше быть реалисткой. В мире существовало всего семь экземпляров «Starfire #89». Их собрали для участия в первых мировых гонках, которые в 1904 году организовал Великий герцог Гессенбергский. Шесть машин сохранились до наших дней. Четыре находятся в музеях. Две перешли во владение миллиардерам. А одна, самая первая, куда-то пропала. Может, ее унич-

тожила война, может, дождь или снег, а может, ее сдали на металлолом. Кто знает... А вдруг эта машина ждет, что кто-нибудь ее найдет и спасет?

— Эта машина немногим хуже, чем «Starfire». Нам достался... «Duesenberg».

Реджи шумно выдохнула:

— Нет, Эл... Не надо... Хватит... Неужели «Duesy»? — Вокруг нее закружился пропитанный запахом рыбы холодный и чистый воздух, и на секунду ей показалось, что она летит, как на крыльях. — Ты шутишь! Нет, ты не можешь так шутить. Ты не стал бы так шутить! «Duesenberg»! — Она задрожала. — К-к-как? К-к-кто? К-к-когда?

— Один мой приятель, бывший сослуживец...

— Да здравствует морская пехота!

— Приятель ушел в отставку — решил найти себе другую работу. Он купил автомобиль «Duesenberg», а потом позвонил мне, чтобы навести справки, кто сможет его отреставрировать.

— Мы. Я. Ты. Мы. — Реджи прижала руку к груди. — Ты сказал ему, что мы это можем, Эл?

Марк потянул ее за рукав:

— Реджи, нам пора. Позвонишь Элу чуть позже. Сюда идет Маккэндлесс, и я хочу тебя ему представить.

Она зашипела, отмахиваясь от него.

— Да, хотя машина-то непростая. У нас мало рекомендаций, но мы друзья и он мне доверяет. Он сказал, что подумает.

Реджи передернула плечами:

— Что? Ты позвонил мне, чтобы сообщить, что хозяин «Duesy» еще только собирается подумать? Быстрее звони ему и скажи, что лучше нас мастеров не найти.

— Не стоит на него наседавать, Редж. Пусть денек подумает. Он только что потратил на машину шесть

миллионов долларов и не хочет торопиться. Не надо на него давить. Это будет выглядеть подозрительно.

— Ты прав, ты прав... — Шесть миллионов долларов! Как истинный аудитор, Реджи оценила сумму инвестиций, и ее радостное возбуждение немного поухло. — У н-н-нас все получится, да?

— Да, но нельзя пороть горячку. Придется собрать кучу информации, найти нужные материалы и детали, а если что-то мы не сможем найти и купить, то изготовить самим. Но у нас все получится, Редж. Потихоньку, полегоньку.

Закончив разговор, Реджи увидела, что Марк ждет ее у края освещенной дорожки.

— Ты не сдашься, да? Ты по-прежнему хочешь заниматься машинами?

— Нет, не сдамся. — Проигрывая в голове разговор и заново переживая радостное возбуждение, Реджи вынула телефон в карман. — Друг Эла купил «Duesenberg» и теперь ищет, кто его сможет починить.

Марк присвистнул, а затем, немного помолчав, сказал:

— Знаешь, я тоже не сдамся.

Она посмотрела на него в золотистом свете зажженных в честь вечеринки мерцающих фонариков. Марк — красивый и в общем-то милый парень, хотя немного самодовольный. Эта его черта уравнивалась только воспоминаниями о маленьком мальчике, который на приступочке залитого тусклым светом холодного разбитого трейлера ждал с работы маму. Наверное, для Реджи он навсегда останется ребенком, который ищет друга. Которому нужна семья. И она любит его. Но только как друга.

— Я серьезно, — сказал он, нежно погладив ее по подбородку.

— Марк, — она отвела от лица его руку, — ты — один из моих лучших друзей...

— Не надо. — Он помахал рукой перед ее глазами. — Я проголодался. Ты не хочешь есть? С тех пор как мы сюда приехали, у меня от запаха рыбы текут слюнки. — Он схватил ее за руку. — Пойдем поздороваемся с мистером Маккэндлессом.

— Ты не дал мне сказать, но это ничего не меняет.

Он остановился на полушаге и обернулся к ней:

— Мы с тобой похожи. Ты и я. Нам не повезло в жизни. Меня бросил отец, и маме приходилось работать на двух-трех работах, чтобы прокормить меня. Твоя мать погибла, когда тебе было двенадцать лет. И все же мы добились успеха. Во всяком случае, так было до тех пор, пока ты не решила стать автомехаником. Наверное, ты переживаешь какой-то личностный кризис.

— Никакой это не кризис, Марк. Ты меня не слушаешь. Я живу так, как мне нравится. Я выбрала тот факультет в университете и ту работу, которую посоветовал мне папа, но больше так не будет. Я чувствую, что реставрация старинных автомобилей — мое призвание.

— Ржавых автомобилей? Ты шутишь? — Он потянулся к ней. — Реджи, мы могли бы стать влиятельной парой. Ты отлично умеешь считать и ладить с людьми, а я делаю правильные инвестиции и заключаю выгодные договоры.

— А любовь в твоем уравнении есть? — Она шагнула от него к накрытому столу. Пусть сам здоровается с мистером Маккэндлессом. Она не собирается сопровождать его, изображая вместе с ним влиятельную пару.

Чувство, которое она испытала сегодня вечером, ее не обмануло: за рулем «Dodge Challenger» она узнала, что такое блаженство и даже любовь. И пока она не собирается ничего менять.

* * *

2 марта 1914 года
Дворец Медоублафф

Прошел год с безвременной трагической смерти отца. Нам с мамой и Эсме так его не хватает! С ним было спокойно и хорошо. Но бывают минуты, когда мы радуемся и смеемся.

Мама все время чем-то занята, точно так же как дядя Фрэнсис. Мама называет его «упрямым герцогом».

Наверное, он меня обожает, ведь я — его наследница. Мама беспокоится, что он не нашел себе невесту и не завел детей, потому что очень привязан ко мне и хочет, чтобы я стала Великой герцогиней. Но мне кажется, он не женился, потому что все еще любит леди Розамонду.

Дядя никогда не говорит о ней, но, по-моему, она разбила ему сердце, когда отвергла его предложение. А потом умерла. Бедный дядюшка!

Поэтому он во мне и Эсме души не чает. Так было всегда — насколько я помню, задолго до того, как он стал Великим герцогом Гессенбергским.

Я думаю, он скучает по папе и дедушке. После поездки в Россию и Германию в гости к кузенам Николаю и Вильгельму он кажется очень обеспокоенным. Я чувствую, что после возвращения у него тяжело на душе. Он ходит по коридорам, опустив голову и сцепив за спиной руки. А ведь раньше, когда дядя приходил к нам с Эсме, чтобы послушать патефон — свой любимый регтайм, — он был таким веселым и даже смешливым...

Он нашел нового секретаря — молодого студента. Его зовут Отто Притчард. Я думаю, что неспособность читать и писать беспокоит дядю даже больше, чем отказ леди Розамонды. Хотя об этом он тоже никогда не говорит.

Сегодня утром он отплыл в Брайтон, чтобы встретиться там с кузеном Натаниэлем, а потом поедет в Лондон к кузену Георгу.

Мама призналась мне за чаем: лорд Чемберлен полагает, что вскоре начнется война. Она встала рано утром и велела извозчику ехать в церковь Святого Иоанна. Днем, перед чаем, она сидела у камина в приемной с Библией на коленях и, тихонько раскачиваясь, беззвучно шептала молитвы. Дядя говорит, что вера — удел слабых людей, а мама утверждает, что верят только сильные люди, потому что поверить в невидимое способны лишь горячие сердца. Эти сердца говорят о том, что им поведал Святой Дух.

Мама и дядя несут тяжелую ношу. Мне тоже нелегко, но я продолжаю учебу в Скарборо. Дядя настаивает на том, чтобы мы с Эсме получили образование и могли, как он выражается, «тягаться с парнями». Для мамы его взгляды слишком прогрессивны, но мне нравится учиться, особенно решать задачи по математике.

Что ж, пожалуй, на сегодня хватит. Во дворце пахнет пирогами, испеченными Бертой, а я ужасно проголодалась. Пора пить чай.

А потом учиться. Французский сводит меня с ума!

Элис

Таннер Буркхардт обычно радовался, когда над Штройбергом, столицей Гессенберга, сгустились серые облака и начинался мелкий дождь. Вот и сегодня, в среду, установилась именно такая пасмурная погода.

Он вышел из машины и, сжимая под мышкой небольшой сверток, направился к боковому входу в замок Веттин. Теперь в нем располагалась резиденция правительства, а когда-то его занимала монаршая семья.

Прохладный влажный воздух напомнил ему о детстве. О том, как он выбегал из церкви, вдыхая ароматы томящегося в печи жаркого и маминого печенья.

Но это время осталось далеко позади, и предаваться воспоминаниям Таннер позволял себе лишь изредка, когда наступала осень. Он с болью думал о том, что за прошедшие годы совершил много ошибок, и избегал оглядываться назад.

Таннер вошел в замок и энергично поднялся в свой кабинет на четвертом этаже. Шаги гулко отдавались от мраморного пола. Проходя по старинным освященным временем коридорам со стрельчатыми арками, он стряхивал с плаща капли дождя и смахивал их с длинных волос.

Как ни больно это признать, но, возможно, отец прав: надо было расстаться с локонами, когда он сыграл в регби свой последний матч. Но эта прическа очень шла молодому адвокату, и стиль Таннера перестал быть напоминанием о провале и превратился в символ успеха. Длинные волосы были единственной роскошью, которую он мог себе позволить после того, что случилось с Труди. И после ухода из семинарии.

Теперь он министр культуры Гессенберга. Похоже, все неудачи остались позади. Разве нет?

Таннер поймал свое отражение в стекле висевшей в коридоре картины.

Когда-нибудь он острижет волосы. Но не сегодня. И не завтра. Волосы напоминают ему о том, что он должен быть внимательным и усердным, дабы не забывать о своих грехах.

Что касается работы...

Утро в музее прошло хорошо. Он остался доволен тем, как в главном зале куратором выставки были развешаны портреты аристократов Августино-Саксонского дома. Таннер, которого лишь недавно назначили министром культуры, выразил одобрение организаторам выставки. Правда, ему не понравилось, какое место они выбрали для портрета принцессы Элис работы Пьера Огюста Ренуара.

Таннер потребовал, чтобы эту картину повесили во дворце Медоублафф. В конце концов, принцесса жила там до того, как ее дядя, Великий герцог, в начале Первой мировой войны без единого выстрела отдал Гессенберг Брайтону, а затем под покровом ночи вместе с членами своей семьи покинул страну.

Он считал, что принцессе как наследнице престола нужно вернуться во дворец.

Срок действия столетнего договора между Гессенбергом и Брайтоном подходил к концу, и если поиски

наследника принцессы Элис увенчаются успехом, в священные пределы дворца вернется человек, который возродит Августино-Саксонский дом.

Таннер свернул за угол и столкнулся со своим секретарем Луисом.

— А, вот ты где! — Луис, как обычно, сжимал в руке планшет. Он зашагал вровень с Таннером. — Я тебе звонил.

Таннер полез в нагрудный карман за телефоном:

— Я был в музее, а телефон оставил в машине. — Он вошел в кабинет, снял пальто, повесил его вместе с пиджаком на вешалку, развернул сверток и выложил на стол шкатулку. — А что за срочность?

Таннер поднял крышку шкатулки и достал из нее половину разорванной фотографии. С нее улыбалась юная прелестная принцесса Элис. Ее левая рука была переплетена с рукой другого человека. Судя по манжету, на фотографии был запечатлен некий мужчина.

Министр перевернул фотографию. Надпись на ней выцвела и почти стерлась. К тому же половина была оторвана:

...дрих

...14 г.

...лафф

— Ты меня слышишь? — Луис наклонился над столом. — Что это у тебя?

— Ничего. Нашел во дворце какую-то шкатулку.

— Выглядит совершенно обычно, — заметил секретарь, рассматривая гладкое коричневое дерево.

— Да, пожалуй. — Таннеру стало жаль эту забытую во дворце вещицу. Пока он ее не открыл, он думал, что она принадлежит кому-то из уборщиц.

А потом догадался, что это — шкатулка принцессы.
— Ну, что, пройдемся по расписанию? — предложил Луис и на экране планшета показал Таннеру календарь.

— Давай. — Сидя за столом и переводя взгляд с Луиса на экран и обратно, Таннер слушал, как секретарь зачитывает список дел:

«Встретиться с сотрудниками отдела культуры университета».

«Обсудить кандидатуры спонсоров и участников фестиваля искусств».

«Найти человека, который напишет речь для выступления в Центре охраны европейской культуры».

Пока Таннер слушал Луиса, в его душе нарастало беспокойство, прогонявшее чувство умиротворения и гармонии. Но что это такое? Ведь все хорошо. Все как обычно.

Может, дело в шкатулке? Или в том, что в последние несколько месяцев он только и думал, что о некогда правящей семье Гессенберга?

Полгода назад Его Величество король Натаниэль Второй Брайтонский назначил Таннера министром культуры, чтобы после того, как действие договора о столетнем владычестве Брайтона подойдет к концу, подготовить Великое герцогство Гессенберг к возвращению ему статуса независимого суверенного государства.

Король был полон решимости выполнить нерушимое условие договора. Для того чтобы островное герцогство освободилось от владычества Брайтона, следовало найти наследника Августино-Саксонского трона. Если найти его не удастся, Гессенберг навсегда утратит независимость, оставшись провинцией Брайтона.

Когда Таннер думал об этом, у него учащалось сердцебиение: он так хотел, чтобы его страна была... страной, а не провинцией. Он мечтал, чтобы его любимый Гессенберг — жемчужина Северного моря — процветал тысячи лет.

— ...И я перенес встречу с молодыми художниками на следующую неделю. — Сказав это, Луис уселся на край стола Таннера и самодовольно улыбнулся. — Ату их, как сказал бы мой дядюшка. Ну что, продолжим?

— Угу.

— Так куда куратор повесил портрет принцессы Элис? — Как и Таннер, Луис был влюблен в портрет последней принцессы Гессенбергской.

Принцесса, которой в пору создания полотна едва исполнилось шестнадцать лет, позировала в белом легком платье на весеннем лугу.

Лицо обрамляли блестящие рыжие локоны, а наивные и живые голубые глаза были *полны надежды*. Скорее всего, она понятия не имела о том, что приближается война, а ее дядя, принц Фрэнсис, не способен вести за собой людей.

Таннеру нравилась эта картина. Она задевала его за живое. Благодаря ей он хоть что-то *чувствовал*.

— Я отправил ее во дворец. Ее место там.

Луис тихо свистнул:

— Бьюсь об заклад, куратору это не понравилось. Его лишили единственного яркого и красивого портрета, и у него остались только мрачные холсты с дряхлыми герцогами и герцогинями. У всех такие веселые лица, будто они сидят на гвозде или пьют горькую жижу.

Таннер рассмеялся:

— Он примерно так и сказал. Но портрет принцессы слишком маленький для музейных стен. Осталь-

ные портреты размером восемь на десять футов, а этот не больше пяти. Эта картина должна висеть во дворце. Может, поместим ее в покоях, которые мы подготовили для наследника?

Таннер откинулся на спинку кресла и стал закатывать рукава, вспоминая запавший ему в душу портрет принцессы Элис.

У него было такое *чувство*, что он должен защитить принцессу. Защитить Гессенберг.

Когда в прошлом от него потребовалось стать защитником на спортивном поле, он потерпел неудачу. Теперь у него появился шанс что-то сделать для своей страны в память о принцессе Элис и ради ее рассеянных по свету потомков, и он это сделает. Чего бы это ни стоило.

— Кстати, о дворце. — Луис нажал на кнопку на рамке планшета. — Дворецкий Джарвис, которого ты нанял, дал рекомендации другим сотрудникам. Назначить собеседования?

— Не торопись. Кто знает, когда мы найдем наследника принцессы Элис... — Король информировал Таннера о том, как продвигается расследование. Пока удалось узнать лишь то, что наследник, скорее всего, живет в Америке. Остальные дороги и тропинки вели в тупик.

— Хорошо. Я передам Джарвису. Но ему не терпится приступить к работе. Что-нибудь еще?

Луис недавно окончил университет и был одним из лучших представителей своего поколения. Внешне привлекательный и хорошо воспитанный парень. Таннер даже предложил ему принять участие в первой организованной им культурно-просветительской кампании. Все герцогство было увешано плакатами с изображением Луиса.

*Договор 1914 года подходит к концу.
Хочешь знать, как это повлияет на твою жизнь?
www.hessenberg.co.gd*

Луис внимательно смотрел на Таннера.

— Луис, — спросил министр, — что твои друзья скажут в случае, если Гессенберг снова станет независимым государством?

— Я думаю, пока в пабах принимают евро, — с улыбкой ответил Луис, — никто из нас не видит большой разницы между тем, правит ли нами Брайтон или мы снова станем независимым государством. Мы ведь никогда не знали ничего другого.

— А если благодаря независимости мы сможем больше купить за свои евро? Больше пива, больше развлечений, больше... — Таннер показал на костюм Луиса: — ...модных приталенных костюмов?

Надо сказать, что костюмы Луиса в министерстве стали притчей во языцех, а офис-менеджер Таннера Маррисса и вовсе оскорбилась, узнав, что у Луиса больше туфель, чем у нее.

— Прости. — Луис притворно нахмурился и поправил галстук. — Если все будет так, как ты говоришь, я первый крикну: «Да здравствует независимый Гессенберг!»

— Луис, я восхищен твоими глубокими соображениями относительно политической и экономической обстановки в стране, а также будущего наших детей. Спасибо. — Таннер подошел к тележке с чаем. Выглянув в арочное окно, он увидел, что морозящий дождь перешел в ливень. — Зачем ты мне звонил? — Таннер поднял крышку чайника и вдохнул терпкий и чуть горьковатый аромат. Все, как он любит. Но чай остыл, и у министра не было ни малейшего желания его пить.

Он вернул крышку обратно на чайник. *«Выпью чашку горячего чая после обеда»*. — Ты сказал в коридоре, что разыскиваешь меня.

— Да. — Луис встал и сунул под мышку планшет. — К нам едет король со своим советником и премьер-министром.

— Сюда? — с паникой в голосе спросил Таннер. — Луис, с этого надо было начинать! Но чего хочет король? — Таннер резко повернулся вокруг своей оси, окинув взглядом комнату и вмиг расправив закатанные рукава. Кому могло прийти в голову, что петли должны быть меньшего размера, чем пуговицы?

Он посмотрел на стены. На них не было ни дорогих светильников, ни классических произведений искусства, ни изысканных декоративных безделушек. Нет, он принес из дома только награды за немногочисленные победы в регби и подписанный членами команды плакат «Гессенбергского союза» в раме.

На толстом синем ковре не составляло труда заметить мусор, да и полки из ореха чистыми назвать было нельзя. В корзине для мусора портились остатки вчерашнего ужина.

Таннер обошел вокруг стоящих в центре комнаты деревянных стульев с кожаными сиденьями, забросил рюкзак со спортивной формой в уборную и захлопнул дверь.

— Джонатан сказал, что они скоро приедут. Когда он звонил, они уже поднимались на борт королевского самолета.

— Значит, они будут здесь с минуты на минуту. — Полет из Брайтона в Гессенберг занимал не более получаса. — А губернатор знает, что к нам едет король? — Администрация губернатора Гессенберга занимала второй этаж замка Веттин. — Он должен знать о грядущем визите короля.

— Да, я предупредил службу безопасности.

— Ты уверен, что король хочет встретиться со мной, а не с губернатором?

— Джонатан подчеркнул, что он едет на встречу с тобой.

— Позови сюда уборщиц, — велел Таннер, поправляя стол и складывая документы, чтобы убрать их в нижний ящик стола. — И пусть принесут чайник свежего чая. Скажи Мариссе, чтобы заказала выпечку в пекарне «Loudermilk». Надо предупредить пекарей, что это для короля. По-моему, он больше всего любит слоеные пирожные.

Луис схватил телефон:

— Так и есть. Я тоже читал эту статью в «Liberty Press». Манфред, это Луис. Пригласи к нам уборщиц. — Луис вышел из кабинета. — Да, я в курсе, но король хочет встретиться с министром культуры.

Таннер надел пиджак, в сотый раз за последние шестьдесят секунд удивляясь: «*Зачем я понадобился королю?*»

Не выпуская из рук телефона, в кабинет вернулся Луис. Он протянул Таннеру тонкий конверт из дорогой бумаги.

— Вот, пока тебя не было, пришло письмо, — пояснил он, слушая, что говорит ему по телефону Манфред. — Эй, ты что, хочешь, чтобы король увидел, какой у Таннера грязный ковер? Кто, как ты думаешь, будет за это отвечать? — Луис вышел из кабинета, и его голос постепенно затих вдали. — Увидимся через две минуты. Спасибо.

Таннер, нахмурившись, посмотрел на конверт. На нем изысканным шрифтом было начертано его имя. Кто прислал ему это письмо? Он перевернул конверт и, усаживаясь в кабинетное кресло, прочитал обратный адрес:

*Поместье Эстес
2 Хорсли Хилл-роуд
Штройберг, Гессенберг, 93-Е15*

Имя и адрес сразу воскресили в памяти прошлое, которое он пытался спрятать, забыть. Они напомнили ему о его трагической ошибке.

Сердце забилося чаще, и горло сжалось так, что Таннеру стало трудно дышать. Он напряженно провел ледяной рукой по волосам. Зачем Барбара Эстес, по прозвищу Бабс, написала ему письмо?

Точнее, приглашение. В последний раз он был там в тот самый судьбоносный вечер восемь лет тому назад. Ему не пришлось напрягать привыкшие к юридическим клязам мозги, чтобы догадаться о содержании письма. Некоторые подробности и воспоминания никак не хотели тонуть в его памяти.

Через несколько недель близняшкам исполнится десять лет. Пятого октября.

Постучав по ладони конвертом, Таннер потянулся за канцелярским ножом, раздумывая о том, как лучше поступить: прочитать письмо или выбросить проклятый конверт в корзину для мусора.

Теперь он в безопасности, вдали от свидетельств его недостатков и неудач. Он реабилитирован. Получил юридическое образование. Начал работать в администрации губернатора Гессенберга. Потом король обратил на него внимание и назначил министром культуры.

Таннер доказал, что находится на своем месте, когда вспомнил, что бывший профессор, старик Ярдли Притчард, может пролить свет на местонахождение наследника гессенбергского трона.

Если его не обманула интуиция и профессор действительно что-то знает о наследнике, Гессенберг вскоре снова обретет независимость.

Так почему именно сегодня, когда в его кабинет направляется король, он получает приглашение от матери Труди? Неужели прошлое может так дерзко вторгнуться в настоящее? Что ж, он проследит за тем, чтобы этого не случилось.

Таннер рывком открыл средний ящик стола, бросил в него конверт и задвинул его поглубже. *«Ну, вот. С глаз долой — из сердца вон».*

Его излюбленный способ решать проблемы.

